

УДК 94(470.54).084.6:930.25

Е. В. Огуренко

ИДЕОЛОГЕМА «СОВЕТСКИЙ АРХИВИСТ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОВИНЦИИ на рубеже 1930–1940-х гг.

В статье рассматривается идеологема советского архивиста и ее практическая реализация в контексте истории повседневности на примере деятельности Свердловского государственного областного архива на рубеже 1930–1940-х гг., анализируется ее генезис, развитие и реализация в государственной политике в сфере архивного дела на местах, делается попытка поставить вопрос о том, был ли завершен проект «советский архивист» и какое значение нес результат данного проекта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. Н. Покровский, архивное дело в СССР, архивы Урала, Великая Отечественная война, советское общество, советская повседневность, советский архивист.

Революция 1918 г. в архивном деле обернулась не только тем, что архивная отрасль получила долгожданное внимание со стороны государства, но и оказалась им пресыщена. Отношение государства к информации, особенно к ретроспективной (архивам), многое говорит об информационной культуре всего общества. В этом контексте интересна идеологема советского архивиста – как попытки изменения традиционного (буржуазного) взгляда на прошлое [см.: Покровский, с. 11–12].

Автором данной идеологемы является Михаил Николаевич Покровский – известный русский и советский историк, марксист, архивист, заместитель народного комиссариата просвещения РСФСР в 1918–1932 гг. Помимо этого, он возглавлял ряд научных организаций, в том числе Общество историков-марксистов и Центрархив РСФСР и СССР [см.: Чернобаев, с. 72].

В соответствии с его концепцией советский архивист должен сочетать в себе сущности историка, архивиста и марксиста, для которого не существует различия между теорией и практикой (в силу их слияния в марксизме), а следовательно, значение имеет только практическая сторона архивного дела, для освоения которого «за глаза хватает годичного курса». При этом основные задачи архивиста – политические. Они заключаются в сохранении архивных документов – «оружия, с помощью которого рабочий класс вел, ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником» [Покровский, с. 11, 14–16]. Следовательно, советский

архивист, являясь хранителем исторических документов, обязан был толковать их в соответствии с марксистской теорией в интересах рабочего класса.

Некоторое уточнение последовало в 1931 г. от И. В. Сталина, объявленное Центрархивом СССР «важнейшей политической директивой всему теоретическому фронту и, в частности, историческому участку этого фронта» [Сталин, с. 84–102; Хорхордина, с. 200]. Генеральный секретарь клеймит архивистов «архивными крысами», «историками-контрабандистами», «клеветниками», занимающимися «жульническим крючкотворством» и изменяющими рабочему классу. По сравнению с архивистами Покровского, в версии вождя появляются интересные особенности: архивисты не могут более толковать источники – это дело партии, на лишние знания тратить время нечего, а служат они теперь не какому-то абстрактному классу, а Советского государству. Все это происходит на фоне увеличения значения роли архивиста в системе государственного управления СССР.

В ходе постепенного наращивания бюрократического аппарата в 1920–1930-е гг. происходит увеличение документооборота в государственных органах власти. Со временем остро встала проблема хранения архивных документов. На 1930-е гг. приходится резкое увеличение числа государственных архивов, сети их филиалов и усложнение их внутренней структуры [см.: Савин, с. 162–175].

Отрасль же настиг неизбежный рок. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г., объявленным 11 июня 1938 г., приказом народного комиссариата внутренних дел № 370 Центральное архивное управление передается в состав НКВД. В его структуру оно было включено как Главное архивное управление НКВД от 29 сентября 1938 г. приказом НКВД № 00641 [см.: Цеменкова, с. 57]. Это положение будет сохраняться до 1960 г., когда архивная отрасль страны передается Совету министров СССР [см.: Там же, с. 75]. А в 1930-е гг. советские архивисты становились частью штата ведомства внутренних дел, обладающего к этому времени мрачной репутацией.

В середине 1938 г. сеть архивных органов состояла из 107 архивных управлений, союзных, республиканских, областных и краевых, 14 центральных государственных архивов СССР и РСФСР, 239 республиканских, областных и краевых государственных архивов, 19 военно-окружных и портовых архивов и 2343 районных архивов [см.: Максаков, с. 10].

Архивный отдел Управления Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области был создан в 1939 г. на базе ликвидированного Архивного бюро при Свердловском областном исполнительном комитете [см.: Архивная служба..., с. 74].

На 1 июня 1938 г. Архивный отдел УНКВД по Свердловской области был представлен шестью архивами, являющимися структурными подразделениями отдела: историческим, военным, Октябрьской революции, секретным, Нижнетагильским и Ирбитским филиалами [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 644, л. 37]. Первые четыре располагались в Свердловске, два последних – в Нижнем Тагиле и Ирбите соответственно. В соответствии со штатным расписанием Свердловсоблархива его штат насчитывал 29 человек, а фактически работало на 1 декабря 1938 г. 27 человек [см.: Там же, д. 450, л. 46].

Архивный отдел изначально был призван руководить государственными архивами на вверенной ему территории Свердловской области, контролировать правильность постановки делопроизводства в архивах учреждений и проводить научно-издательскую работу [см.: Там же, д. 648, л. 3]. Со временем количество сфер деятельности архивного отдела увеличилось.

Специфика советского управления предполагала активное вовлечение трудящихся в общественную работу. Одной из основных целей этих мероприятий, помимо идеологических, было усиление контроля над гражданами СССР и повышение культурного уровня советских граждан в рамках культурной революции 1930-х гг. [см.: Бригадина, с. 87–95]. Важная роль культуры труда признавалась и на более ранних этапах истории Советской России [см.: Гастев; Троцкий].

Основным инструментом достижения этого была партийная деятельность. В архиве существовала профсоюзная ячейка – местный профсоюзный комитет. В него входили почти все сотрудники Архивного отдела УНКВД по Свердловской области. Исключения делались лишь работникам на должностях, где люди «долго не задерживались», например, вахтерам и сторожам [см.: ГАСО, ф. Р-1139, оп. 1, д. 42а, л. 20 об.]. В Советском государстве профсоюзам отводилась особая роль, так как они «являются важнейшей опорой партии в борьбе за строительство коммунизма» на протяжении всей его истории [см.: История профсоюзов..., с. 3].

Продолжительное время местком не имел стабильного членства в связи с регулярными «чистками» сотрудников Архивного отдела и государственных архивов, что было характерно для всей страны [см.: Кор-

неев, Копылова, с. 40–41]. Последнее крупное изменение в составе Архивного отдела УНКВД было в 1941 г., что связано с началом эвакуации архивов. В этих обстоятельствах Главное архивное управление НКВД СССР эвакуировало отдельных сотрудников [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 2, д. 300, л. 3–4]. С сентября 1941 г. численность и состав коллектива стабилизировались окончательно.

Организовывать работу местного комитета приходилось во многом с нуля, из-за вышеупомянутой «текучки». Однако комитет быстро наладил регулярную работу, что подтверждает исправная отчетность перед членами профсоюза и дневник месткома. Стоит также отметить, что комитет действовал во многом во внерабочие часы, отнимая досуг работников архива. Деятельность его можно разделить на три основные сферы: организация работы комитета, разбор производственных вопросов, культурно-массовая и воспитательная работа.

На своем первом заседании в январе 1941 г. местный комитет поставил перед собой широкие задачи, среди которых привлечение к работе месткома членов профсоюза (с участием в комиссиях, общественной работе, добровольных обществах), разъяснение членам профсоюза решения X Пленума ВЦСПС и обсуждение вопроса о важности участия членов месткома в профсоюзной и общественной работе [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 3, л. 14].

Так, деятельность месткома в январе-марте 1941 г. оказалась чрезвычайно продуктивной. Было проведено три общих профсоюзных собрания (ко дню Красной армии и Военно-морского флота, по изучению материалов XVIII Всесоюзной партконференции и к Международному женскому дню), выпущены три стенные газеты, в том числе посвященная памяти В. И. Ленина фотогазета [см.: Там же, л. 16 об.].

В области производственной работы комитет наладил последовательную работу. Например, за январь-март 1941 г. было проведено восемь заседаний месткома по текущим профсоюзным вопросам, на которых обсуждались вопросы трудовой и общественной дисциплины, об утверждении больничных листков и листков о трудовой дисциплине [см.: Там же, л. 16]. В конце года комитет дал производственной работе положительную оценку, так как из 37 сотрудников взяли социалистические обязательства 22 человека, количество ударников труда достигло 12, а отличников – двух человек [см.: Там же, л. 19 об.].

Социалистическое соревнование служило одним из способов интенсификации труда. Участие в нем было систематическим и обязательным

[см.: Ляпунова, Старостенков, Погосян, Тетерин, с. 26]. Принимал участие в соцсоревновании и Свердловский областной госархив – с ним соревновался Кировский областной госархив. Важность этого мероприятия подчеркивается на квартальных и годовых совещаниях сотрудников отдела, архива и его филиалов [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 4, л. 25]. Из общего количества работающих взяли соцобязательства 22 человека, ударников труда – 12 человек, отличников – два человека [см.: Там же, д. 3, л. 19 об.].

Стоит отметить, что в квартальном плане работы архива в рамках улучшения профессиональной подготовки архивистов предполагалось проведение технической учебы членов коллектива, однако доказательств ее проведения найти не удалось.

По состоянию на 1 января 1938 г., в Архивном управлении и областных архивах Свердловской области высшее образование имели 2 работника, среднее – 13, специальное архивное – один работник, начальное – 8. Стаж работы свыше трех лет был только у 3 работников [см.: Там же, оп. 2, д. 300, л. 20, 27]. Проблема отсутствия достаточного числа работников, имеющих специальное архивное образование, оставалась актуальной для архива вплоть до конца 1940-х гг.

Культурно-массовая работа в коллективе была основным «фронтом» деятельности местного комитета, в особенности после начала Великой Отечественной войны, когда от профсоюза потребовалась активизация пропагандистской и агитационной работы в организации.

Примером могут служить митинги, проведенные коллективом архивного отдела и Свердловгосархива в 1941 г. Если в первой половине года митинги сотрудников собираются по вполне ординарным поводам (например, открытие XVIII Всесоюзной партийной конференции), то после начала войны их количество увеличивается. Проведенные митинги посвящены, например, следующим событиям: фашистскому нападению на Советский Союз (24 июня 1941 г.), готовности к защите Отечества (4 июля 1941 г.), «варварскому налету» на Москву» (23 июля 1941 г.), сбору теплой одежды бойцам на фронт (13 сентября 1941 г.), докладу И. В. Сталина в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (8 ноября 1941 г.) [см.: Там же, оп. 5, д. 3, л. 4–13].

По итогам митингов принимались резолюции. Резолюция от 23 августа гласит: «Мы, сотрудники архивного отдела УНКВД и Обл. гос. архива... заявляем, что будем работать еще лучше, еще организованней, приготовили наш объект к противовоздушной обороне и к противовохи-

мической обороне, и если надо будет заменить на полях нашей области бойцов, ушедших в ряды Красной Армии, то мы всегда готовы». Резолюция принята единогласно всеми присутствующими на митинге [см.: Там же, д. 4, л. 20].

В советском обществе начиная с конца 1920-х гг. присутствовало постоянное ощущение ожидания войны, которое было инспирировано государственной пропагандой и официальными лицами [см.: Великая Отечественная..., т. 10, с. 67].

Однако только заявлениями патриотизм архивных работников не ограничивался. В июле 1941 г. районный комитет ВКП(б) предложил сотрудникам архива привести в надлежащий вид любое помещение на ул. 8 Марта, 23, отведенное для госпиталя. Пришедшие к семи часам люди оказались разочарованы, так как ранее пришедшая группа сделала за них всю работу: «небольшая обида проявилась у коллектива» [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 4, л. 16 об.]. Также архив принимал участие в сборе теплых вещей для фронта [см.: Там же, л. 22], оказывал помощь лазаретам (за 6 дней 3 сотрудницы архива сшили 50 простыней и 10 халатов, 6 вошли в санитарную дружину, одна записалась на курсы медицинских сестер, весь коллектив обучался на курсах по противовоздушной обороне [см.: Там же, л. 16 об.]).

Сами члены профсоюза старались оценить свою деятельность объективно, отчеты о его работе содержат такие выражения: «Все проводимые мероприятия профсоюзного, общественного и политического характера проходят очень неактивно», «коллектив недостаточно вовлечен в профсоюзную работу и в общественную работу», «нет у нас критики и самокритики в работе» [см.: Там же, д. 3, л. 16].

Особо важным вопросом в работе профсоюзной организации была социальная поддержка. В 1930-е гг. менялось отношение к еде, менялось отношение к ее употреблению – еда стала восприниматься не только как источник насыщения, но и как источник удовольствия [см.: Лебина, с. 59]. Парадоксально, но это происходило и в полуголодные годы войны. Поднимаются вопросы о создании буфета для сотрудников [см.: Там же, д. 4, л. 24] и огородов для индивидуального пользования [см.: Там же, д. 1, л. 4.; д. 3, л. 19 об.; д. 4, л. 45, 48] в соответствии с постановлением СНК СССР от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих» [см.: Эмирханов, с. 126].

Архивный отдел, Свердловгосархив занимали здание на ул. 8 Марта, оно было двухэтажным и совершенно не приспособленным к хранению

документов, находилось в угрожающем состоянии ветхости и пожарной безопасности [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 643, л. 8–9]. Им принадлежали и другие здания, разбросанные по городу. Одно из хранилищ находилось в здании на ул. Ленина, 46-а – в бывшей Лютеранской церкви, в полуподвальных помещениях Второго Дома Советов по ул. 8 Марта, 2 [см.: Архивная служба..., с. 41, 84].

Помещение на ул. 8 Марта, 28 не только не давало возможности приступить к организации приема архивных документов из учреждений и районных архивов, но и не обеспечивало нормального хранения имеющихся архивных материалов. Из-за сырости нижнего этажа часть документов была повреждена. Не исключалась возможность обвала потолка, так как второй этаж архивохранилища был перегружен. Весной и осенью на стенах первого этажа выступала сырость, местами через щели пола протекала вода. Занимаемое здание требовало ремонта, а работа в нем была признана сопряженной с опасностью для жизни [см.: Там же, с. 83].

Нехватка помещений нормой не считалась. Производственные совещания отдела и архивов регулярно требовали добиваться новых площадей у городских Советов [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 659, л. 1]. Но объективных условий для обретения новых площадей не существовало, особенно в условиях присутствия в городе большого количества эвакуированных организаций и предприятий.

Теснота вызывала и другие проблемы. Периодически между сотрудниками отдела и архива возникали конфликты.

В феврале 1943 г. один из пунктов повестки дня общего собрания сотрудников сообщал о «возмещении стоимости пролитого суфле» инспектором административно-хозяйственного отдела С. Л. Раскиной. Собрание единогласно постановило возместить стоимость пролитого суфле из расчета 30 % с С. Л. Раскиной, а остальные 70 % – за счет коллектива [см.: Там же, оп. 5, д. 4, л. 48].

Интересным представляется распоряжение № 63 от 11 сентября 1940 г. по Свердловскому областному государственному архиву. Архивный технический работник Шмелева позволила себе унести из архива чайник с целью его использования по назначению, но без ведома и разрешения администрации. Это событие вызвало в коллективе большой резонанс.

Работник А. Ф. Селиванова, поставив вопрос об ответственности коллектива за пропавший чайник, позволила себе недопустимую резкость выражений в адрес коллектива: «Душа из вас вон, а чайник найдите». Уборщица Черкасова вместо того, чтобы спокойно сообщить директору

архива Алимову о случившемся, встала на путь пререканий с работниками отдела Октябрьской революции по вопросу о пропаже чайника, что привело к последующим взаимным оскорблениям. Старший архивный технический работник А. Н. Коробейникова в разговорах с уборщицей Черкасовой допустила оскорбительное выражение «сволочь народ», что Черкасову, принявшему это в свой адрес, оскорбило и довело до истерики.

Эти события вызвали к жизни другие межличностные конфликты. Крайне несдержанные выражения были допущены Шмелевой в отношении научной работы Чемодановой, которая, некогда усомнившись в правильности выделения макулатурного материала, нашла необходимым посоветоваться с директором Алимовым и инспектором Жуковым. Ей было опущено замечание: «Не смей жаловаться!», т. е. не смей докладывать о замеченных отклонениях в работе государственного архива.

Итогом этого кризиса стали санкции в отношении работников, позволивших себе резкие выражения. В сухом административном языке той эпохи было много смешанных чувств: «Приказываю... сделать все необходимые выводы и приложить все усилия к дружной, плодотворной работе» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 3, л. 12–13].

Острыми оставались и вопросы кадров. О культурном уровне провинциального архивиста многое может сказать письмо инспектору Л. М. Жукову от директора филиала СОГА в г. Серове М. С. Толкачева (орфография автора сохранена).

15 апреля 1941 г.: «Довожу до вашего сведения Леонид михайлович как проходила работа в первом квартале 1941 года заканчивали фонд серовского горсовета посидели на нем до 7 января потом приступили к обработки фонду Городской отдел социального обеспечения проработали на нем до 21 января после этого приступили к обработки матерьяла Туринский рудник Максимовская церковь проработали на этом матирьяле до 14 февраля 1941 г. После этого приступили в I квартале фонд городской земельный отдел и работали на нем по настоящее время как только закончен будет фонд то сообщу сразу же канечна.

Леонид михайлович я с этим фондом уложился бы вовремя но у миня много время отрывает бухгалтерское дело это будет первая вторая послужила причинам то что ниможим подобрать работника находятся людишки все ниподходящие и приходится отказывать довольно минять сотрудниками нужно закреплять штат и осваеваться с работой. На эту тему заканчиваю.

Ставлю вас в известность Леонид михайлович отом что уминя остался всего один работник который многово зделать не сможет Кувалдину положили в больницу волкоморову дали бюллютень но думаю что на себя взяли на второй квартал постараемся уложится в срок до полугодия Тигер с уербаха

работали два человека а типерь остался один человек Санинкову отправили на курсы а Попова работает пока, Леонид михайлович высылаю вам кварталный план но ни знаю как он вам понравится или нет лутше не умею составлять и думаю для вас все будет ясна что не понятна будет то посмотреть в годовом плане и разгадасти С приветом вам наши сотрудники сюткина и я пока весь наш штат по работи досвидания жду ответа от вас» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 592, л. 73].

15 мая 1941 г.: «Пишите все подробнее я буду лудьше здесь ориентироваться в работе ото умения здесь разрешить вопроса совершенно нескем в которм я сам затрудняюсь начальник горотдела с нами совсем почто не связан и выходит здесь у себя сам большой сам маленький

Давайте хотя вы почащи описывайте мне что надо делать а сотрудники все молодые все везде приходится самому и плохо из затога что нет помошника прямо не знаю что делать и как выходить из положения и вы плохо этот вопрос мне отвечаете» [Там же, л. 69–69 об.].

Это лишь отдельные страницы из жизни провинциальных архивистов, и пока лишь отдельные штрихи к их социальному, культурному и нравственному образу. Работу эту необходимо продолжать, и она будет продолжена.

Сейчас же отметим, что тоталитарное государство расценивало ретроспективную информацию как особый политический ресурс, саму власть обслуживающий, но ресурс, который в то же время сам по себе ценности вне интересов государства не представляет. Избранная методика по превращению архивного работника в простой механизм обработки и сбережения дел, в простого технического работника – это та модель советского архивиста, которая сложилась в СССР в 1930–1940-е гг.

Можно сказать, что создание особого типа советского архивиста, изначально задуманное как одна из целей форматирования архивной отрасли, являлось частью глобального советского проекта по социальному переустройству общества в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Со сменой политического курса в середине 1930-х – 1940-е гг. меняется и представление о роли и значении советского архивиста.

Архивная служба Свердловской области: 85 лет. Екатеринбург, 2004.

Бригадина О. В. Культурная революция в Советской России: цели, методы, результаты // *Працы гістарычнага факультэта БДУ : Навук. зб.* Минск, 2009. Вып. 4. С. 87–95.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 10: Государство, общество и война. М., 2014.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316 (Управление архивами Свердловской области Правительства Свердловской области).

Гастев А. К. Новая культурная установка. М., 1924.

История профсоюзов Урала, 1905–1984 гг. М., 1984.

Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за чистоту архивных кадров (1920–1930-е годы) // Отеч. арх. 1993. № 5. С. 29–42.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.

Ляпунова Н. В., Старостенков Н. В., Погосян Л. В., Тетерин П. В. Развитие социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : сб. материалов XXXIX Молодеж. междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 26–33.

Максаков В. В. 20 лет архивного строительства // Арх. дело. 1938. № 3 (47). С. 213–220.

Покровский М. Н. Политическое значение архивов // Совет. архивы. 1988. № 3. С. 11–16.

Савин В. А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР – СССР, 1918–1950-е годы. М., 2000.

Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Соч. М., 1951. Т. 13. С. 84–102.

Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 21: Культура переходного периода. М. ; Л., 1927.

Цеменкова С. И. История архивов России : учеб. пособие. Екатеринбург, 2006.

Чернобаев А. А. «Советский Карамзин»: М. Н. Покровский // Историк и мир истории. Саратов, 2004. С. 65–78.

Эмирханов И. А. Роль подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы городского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Инновационная наука. 2015. № 11. С. 125–128.